

Виктор ДЬЯКОВ

"ТОЧЕЧНЫЕ"
СТРАСТИ

Виктор Дьяков
«Точечные» страсти

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Дьяков В. Е.

«Точечные» страсти / В. Е. Дьяков — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Последние годы существования СССР. Но никаких признаков приближающейся "кончины" сверхдержавы не ощущается. По-прежнему кажется естественным наличие колоссальной армии, в которой подчас люди живут в ненормальных условиях... В маленьком, оторванном от мира военном подразделении, "точке", пытаются не скучать. Офицеры, у кого "поезд не ушел", живут надеждой сделать карьеру и вырваться отсюда. Ну а солдаты... Что более всего интересует молодых людей, запертых в казарме!? Конечно же женщины. Но на "точке" кроме офицерских жен их нет. Остается подсматривать за ними... и пытаться соблазнить, особенно если у мужа определенные проблемы.

© Дьяков В. Е., 2000

© ЛитРес: Самиздат, 2000

«Точечные» страсти рассказ

Отдельный зенитно-ракетный дивизион – "точка", располагался вокруг и на вершине господствующей над окрестными сопками горы. На вершине размещались радары и пусковые установки с ракетами, а у подножия – казарма, ДОСы, кочегарка, склады... Добраться до "точки" было непросто. С трёх сторон скалистый полуостров омывали воды водохранилища, местами достигавшего в ширину десяти километров, ну а с четвёртой до обитаемых мест насчитывалось уже несколько десятков километров тех же гор. Особенности местонахождения диктовали и особые требования к кадровому комплектованию выброшенного в горы воинского подразделения. Что касается личного состава, то здесь никаких особых критериев не придерживались, разве, что откровенных кандидатов в уголовники не присылали, а вот офицеров...

Офицеры на эту "точку" назначались, или ссылались, только не имеющие детей школьного возраста – ближайшая школа находилась за водохранилищем. Таким образом, попадали сюда либо офицеры-холостяки, либо с маленькими детьми, то есть совсем молодые, либо немолодые забуддыги, брошенные жёнами. Но должность командира дивизиона она везде, хоть под Москвой, хоть здесь, в Богом забытых горах, "веса" одинаково, это подполковничья должность. Как можно ставить на неё молодого офицера, мальчишку? Другое дело если этот мальчишка имеет солидную "лапу" где-нибудь в высших "сферах". Тогда, конечно, можно поставить сравнительно юного капитана, или даже старлея командовать седьми перестарками вплоть до майоров. Но блатных "юношей" в горы на китайскую границу не заманишь, они предпочитали переносить тяготы и лишения в более благоприятных округах, и заграничных группах войск. Обычно в "азии" на дивизионы ставили уже послуживших майоров и подполковников. Но у них, людей в возрасте, как правило, дети ходили в школу, так что, как ни крути, на этот дивизион приходилось ставить "молодого". А куда деваться? Не разведённому же пьянице доверять дивизион с ракетами. И не только командира, но и замполита. Вот счастливики, без роду, без племени, а выскочили на должности, с которых легко поступить в Академию. И вперёд безродные, в полковники, а то и в генералы. Должен же кто-то детям и внукам армейской аристократии хоть какую-то конкуренцию составить. Но всё это лишь при условии, если на той "точке" шею себе не свернут...

1

Капитан Безбородов, приняв доклад дежурного офицера, двухгодичника лейтенанта Стромьнина, о проведении вечерней поверки, доложил по телефону в штаб полка, находящегося за водохранилищем, что за прошедшие сутки в дивизионе происшествий не случилось. Потом ещё походил по казарме. В спальном помещении царил тишина. Безбородов, однако, не обольщался, отлично зная, что это всего лишь коллективная солдатская хитрость – они ждали, когда командир пойдёт домой спать и тогда... Что начнётся в казарме при таком дежурном как "студент" Стромьнин, который как мышь забьётся в канцелярии и носа оттуда не высунет, хоть убивай там!...

Безбородов тоже решил немного схитрить. Вышел на воздух, посмотрел на безоблачное, резко-континентальное августовское небо, ещё невысоко поднявшуюся луну... Дверь тихонько приоткрылась, осторожно выглянул дневальный. Увидев командира, он тут же вновь притворил её – казарма с сожалением узнала, что начинать послеотбойный бедлам ещё не время. Обычно еженощной концерт в исполнении "стариков" начинался с возгласа: "Старики, день прошёл!". В ответ с другого угла казармы следовало "Ну и ... с ним!". И дальше: "Эй, на тумбочке, сколько дедушке до дембеля осталось!?" И дневальный, если это "молодой", должен без запинки доложить количество дней до "приказа". Эта переключка обычно заканчива-

лась хоровой тарабарщиной: "Ба-ба-ба... бу-бу-бу... бы-бы-бы" и, наконец, "старики" все вместе изрекали вожделенное: "Ба-бу-бы" – коллективную волю молодых организмов, второй год лишённых женского общества. Затем начиналась беготня "молодых" на кухню за припасённым поваром крепким чаем для "дедушек", подъём провинившихся, "борзых" салаг на ночное мытьё полов... То есть, начнётся всё то, с чем вышестоящее командование призывало вести беспощадную борьбу, выжигать "калёным железом".

Безбородов хоть и был ещё относительно молод, двадцать девять лет, но за восемь лет офицерской службы накопил некоторый опыт и имел достаточно здравого смысла, чтобы не кидаться с "шашкой наголо" на борьбу с этим злом. Где-то на уровне подкорки он чувствовал, что это выльется в сражение с "ветряными мельницами". Как и большинство его коллег, командиров других точек, превосходящих его и годами, и званиями, и опытом, под чьим командованием он набирался ума-разума до назначения сюда... В общем, он не столько боролся, сколько изображал служебное рвение. Изображал для начальства, проверяющих... для подчинённых ему солдат и офицеров.

Безбородов пошёл проверять караул. Дверь в караульное помещение открылась сразу же, едва он позвонил. Застёгнутый на все пуговицы начкар сержант Дашук доложил, как положено.

"Из казармы позвонили, проследили куда иду", – констатировал готовность караула к его визиту Безбородов.

В карауле всё "на мази": бодрствующая смена учит Устав караульной службы, отдыхающая спит. Безбородов подал команду "Караул в ружьё" и засёк время. Подъём и разбор оружия занял тридцать восемь секунд. Он поспрашивал обязанности и дал отбой. Пошли с Дашуком по постам. Часовых долго искать не пришлось – они встречали у границ постов окриком: "Стой, кто идёт!?" В общем, всё в норме, что Безбородов и отметил в постовой ведомости. Капитан допустил лишь одну неточность, время проверки он проставил не десять тридцать вечера, как это было на самом деле, а час тридцать ночи... Это являлось негласной договорённостью – командир не "дёргал" караул в середине ночи, а караульные молча соглашались, что он пишет другое время, дабы при проверке ведомости в штабе полка отметили: молодец Безбородов, ночью не спит, а караул проверяет, бдит... А полвторого ночи все они будут спать, и Безбородов дома, и Дашук, скинув сапоги и ремень и, посадив вместо себя разводящего недавно присланного с "учебки". Да и все в караулке предадутся сну, разве что кого из "молодых" посадят на пару с разводящим бодрствовать. Скорее всего, будут спать и часовые, забравшись куда-нибудь в кабину транспортно-заряжающей машины, или в будку дежурного дизелиста. Безбородов, тем не менее, предпочитал не ловить спящих солдат на постах, и не только потому, что прижиматься к мягкому боку его Наташи куда приятнее – он не сомневался, что никакой диверсант, свой или чужой в такую глушь, отрезанную от мира водой, горами не пойдёт, ноги сойдёт, утонет, сорвётся в пропасть...

Шёл уже двенадцатый час, а командир еще не шёл домой, но все его перемещения мгновенно отслеживались, и кого-нибудь поймать за нарушением распорядка дня оказалось невозможно. Безбородов и не стремился к этому. То, что его слушаются, побаиваются, и в его присутствии в казарме царит образцовый порядок... Это и являлось основной целью его усилий. Его заместителей и прочих офицеров дивизиона так не "боялись". Впрочем, Безбородов понимал, что дело тут вовсе не в том, что он такой требовательный, а другие нет. У него больше власти, возможностей наказать, отомстить солдату, или наоборот поощрить, наградить, отправить в отпуск. Ведь именно он, капитан Безбородов, на этом клочке каменистой почвы полновластный хозяин и от его воли зависит очень многое. К тому же "рвать службу" у него весьма весомый стимул, ведь ему ещё нет и тридцати, а он уже на такой должности. У него ещё есть "разбег" в три года для поступления в Академию, служебная перспектива. У других перспективы пока смутные. Такие всегда подставят ногу, завидуя, в надежде занять его место. Ну, и ещё одна особенность таких "точек": здесь всегда присутствуют офицеры, которым вообще служба

до фени. Это так называемые "пролетарии", производное от слова "пролёт". "Пролетарии" – офицеры, у которых вообще нет перспектив, их "поезд" уже ушёл, они пьют горькую. И с ними надо держать ухо востро, они подставят молодого командира точно так же, как и бессовестные карьеристы, хоть ничего лично для себя и не выиграют, просто из "спортивного" интереса.

Домой Безбородов пошёл где-то в половине двенадцатого. Наташа ждала его в халате одетом поверх ночной рубашки.

– У тебя всё в порядке?– она спросила с лёгким беспокойством, ставшим её неотъемлемым спутником за пять лет их совместной жизни.

Недаром жёны офицеров, которые по настоящему "ташили" службу, а не делали карьеру во всевозможных НИИ, или им подобных "воинских частях"... Так вот эти жёны никогда не говорят о своей жизни с мужем-офицером "мы жили", только "мы служили". И это действительно так, ведь своей отдельной жизни у жены офицера, как бы и нет, тем более на "точке".

– Как обычно,– спокойно ответил Безбородов.– А ты, что ещё не ложились?

Наташа не ответила. Впрочем, Безбородову нравилось, что жена почти никогда не ложилась спать, не дождавшись его.

– Колька спит?– спросил он о сыне.

– Да, набегался... Как сел телевизор смотреть, так и уснул прямо на диване. Я его раздевать, а он даже не проснулся. Представляешь?– жена улыбнулась.

Безбородов прошёл во вторую комнату. Его четырёхлетний сынишка разметался на своей кровати, воюя с кем-то во сне. Он поправил сбившееся одеяло и вышел, прикрыв дверь.

– Чай будешь пить?– осведомилась Наташа.

– Да нет... и спать тоже совсем не хочется,– Безбородов сел на диван и привлёк жену к себе.

– Ну, ты что?– чуть-чуть упиралась Наташа.

Он усадил её рядом, и, повалив, стал растёгивать халат. Но Наташа как-то отстранённо отвечала на его ласки, будто думала о чём-то другом.

– Ты чего это как замороженная... Наташк? Ну-ка очнись... Давай, давай... сама, сама...

– При свете не буду,– капризно надула губы жена.

– Тогда ночник включи и при нём... как я люблю.

А любил Безбородов, когда жена, сняв с себя всё, представала перед ним в матовом свете ночника. Наташа улыбнулась, но выполнять прихоть мужа явно не спешила.

– Подожди Дим... У тебя в казарме, в самом деле, всё в порядке?

– Да, а что?– уже во власти накатовавшего возбуждения, отозвался Безбородов.

– Да так... чувство у меня какое-то.

– Какое чувство, о чём ты?– Безбородов тоном показывал недовольство, что Наташа медлит со "стриптизом".

– Понимаешь, мне не нравится, как ведёт себя в последние дни Ленка Овчинникова.

– Овчинникова... а в чём дело?– изумился Безбородов, не понимая, чем может не нравиться Наташе поведение жены замполита, недавно отбывшего в отпуск.

– Знаешь, у женщин есть некоторые особенности в поведении... Ну, как тебе объяснить? В общем, после отъезда Стаса она как заново родилась. Ты не обращал на неё внимание в последние несколько дней?

– Ну, вот ещё, больно нужно на всякую страхолюдину внимание обращать, когда у меня жена красавица,– Безбородов вновь потянул Наташу к себе. На этот раз она без сопротивления села на его колено, которое сразу же стало неметь – за годы супружества жена сильно прибавила в весе, но полнела равномерно, таким образом, очертания хорошей фигуры у неё сохранились, только заметно увеличились в объёме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.